

Мария Дементьева

К

ак вы полагаете, Виктор Иванович, мог бы сегодня в нашем кинематографе появиться герой, подобный Сергею Макарову из «Полетов во сне и наяву», и получить в обществе такой же резонанс?

— Нет. Хотя подобный сценарий в профессиональном плане я бы, пожалуй, и лучше сегодня смог бы написать, и такого героя. Но продать бы этот сценарий я не смог.

Герой нашего времени изменился. Сейчас это либо мафиозо, либо бизнесмен. Либо женщина, которая не может найти мужчину, потому что все они занялись бизнесом и добыванием денег. Либо некая исключительно духовная личность, которая пытается вырваться из окружающего ее циничного предпринимательского мира. Закричать: остановитесь, оглянитесь, одумайтесь. А герои, подобные Макарову — несостоявшиеся люди, нытики, — они не только не в ходу, они еще и никому не интересны, выброшены из жизни. И если бы я сейчас взялся за продолжение «Полетов», то Макарова непременно сделал бы бомжем. И если тогда Макаров страдал от невостребованности, сейчас он погиб бы от презрения. А ведь прежде общество жалело его. Я очень хорошо помню, как люди,

спективным, с их точки зрения. Но — истина стара: варвары могут построить лишь варварское общество. Все другое — неправда.

Знаете, какой сейчас может быть герой? Мститель. За то, что поругали духовность, что оборзели до такой степени, что ничего святого не осталось. Есть такие герои — чистильщики, те, кто освобождает нацию от скверны, наркотиков, пороков, бездуховности.

— То есть вам сегодня интересен именно герой-мститель?

— Нет. Мститель интересен как герой для жесткого сюжета, коллизии. Мне же интересна героиня «Курочки-рябы», человек, оказавшийся на сломе.

Вот у меня мастера работают, дачу строят. Им по 35—40 лет. Это — молодые люди. Среди них есть кандидат наук, артист — из очень хорошего театра, завлаб. Строя дачи, они зарабатывают гораздо лучше, чем если бы работали на прежних местах. Но, знаете, у них такая душевная травма... Это люди культурные, много знающие. А сосед по даче может себе позволить хамски им кричать: «Ну ты, рыло, кончай стучать, спать не даешь!» И у ребят такая обида...

Ведь что с ними произошло? Была жизнь, и вдруг сказали: не было. Человек учился, старался, получил с трепетом место на службе, и неожиданно все рухнуло. Вот Ася Клячина — молодая дама, прожила жизнь. И она рассуждает: «Фермер — да, это хорошо. Но попробуйте меня

ше ведут себя нравственнее, чем нормальные. Это история документальная, и произошла она в Северной Осетии. Еще я собрался писать про Колчака. Сначала я воспринял этот сценарий как заказ, но когда взял литературу о Колчаке, обнаружил блистательную личность. И удивительна история его романа с Тимиревой, тайна их любви, возможного их ребенка. Раньше я редко-редко получал предложения от режиссеров. Теперь же работаю в основном по их инициативе. Поколебавшись, или без колебаний, если оплата хорошая, берусь за сценарий.

— А с Кончаловским работать трудно?

— Трудно. Потому что он неслыханно требователен и к себе, и к тому, кто с ним работает. Когда я пишу сценарий и вижу, что какой-то диалог или образ «проглочен», я порой смотрю сквозь пальцы, поскольку подхожу эмоционально. С Кончаловским же каждый диалог, каждая строчка должны быть выверены. Эпизод укомплектован так, чтобы был и не коротким, и не длинным, а упругим. Я ведь как привык: у меня есть договор, и я за 20—25 дней пишу сценарий. А с ним мы 10—15 дней тратим только на разговоры. Я тороплю — давай писать. Кончаловский спрашивает: «О чем ты будешь писать, ты понимаешь?» И только когда наговоримся так, разговор уже вызывает тошноту, садимся писать, и все само ложится на бумагу.

Вообще моя первая совместная работа с режиссером была у Кончаловского на «Курочке-рябе». После в Париже у Павла Лунгина писали детектив, и с ним было гораздо

Музы

Это мы так хотели думать: мы — простые, и они — простые. Но они играют в простоту, а мы по правде простые. Более закомплексованных людей на планете, чем россияне, я не знаю. Мы стыдимся своего языка, стыдимся громко крикнуть на улице. Они — нет. Они раскованы, в них присутствует абсолютная уверенность, что они главные на этой планете.

— А может, американцы такие именно оттого, что у них такой герой?

— Нет, наоборот. Хотя тут, конечно, многое взаимосвязано. Нация создает того героя, какой ей необходим. Американцы хотят видеть героя, который гарантирует порядок в доме, в обществе. И неважно, что ты на самом деле думаешь, ты обязан поступать по закону. Например, можно ненавидеть негров, но нельзя признаться в этом, потому что закон запрещает. Потрясающая раздвоенность. Главное — не то, что ты дума-

Виктор Меренко: Ася Клячина сегодня по сути бомж

выходя их кинотеатров после «Полетов», плакали.

Нынче настало время людей неинтеллигентных. «Новых русских», вышедших в большинстве своем из полубразованной публики. Конечно, есть среди них и ребята образованные, закончившие институты. Те, кто учились в экономическом или финансовом, еще продолжают как бы заниматься профессией, многие же, закончив учебу, профессию сразу оставляют и едут в Турцию за шмотками или в Польшу за контрабандным спиртовым набором.

Сейчас насаждается такая точка зрения: никто за вас не отвечает, каждый стремится заботиться и беспокоиться лишь о себе. Прежде говорили: общество потеряло этих людей. Сейчас: хотите состояться — давайте. Хотите поднимать экономику каким угодно путем — вперед. Единственно, не очень-то убивайте друг друга и конкурентов или убивайте, но потише.

— Возможно, все-таки вы проблему огрубляете. Да, прагматизм в обществе усиливается, но все равно человек совестливый, задумывающийся о нравственных проблемах, нужен.

— Нет. Сегодня готовы в силу своей амбициозности, успешности, непомерного практицизма раздавить духовность. Допустим, ты заработал хорошие деньги — сейчас в России, как я понимаю, настоящий Клондайк, здесь скапливаются фантастические состояния. Но при этом пренебрег литературой, наукой, искусством. А ведь после тебя останутся дети, внуки. И что достанется им, кроме денег? Какая культура? Не успевают, не хотят задумываться. И наполняют их жизнь толстые бумажники, ночные клубы, престижные спектакли, где они ни черта не понимают. Сидят в первых рядах, вытарачившись на сцену, с шеями шире плеч.

— Мне кажется, такое представление о новых русских уже не соответствует действительности. Они изменились. Банковская элита, например, состоит из вполне европейского вида людей, с вполне европейскими манерами.

— Это лишь внешне. Все они — в прошлом комсомольские и партийные работники, с хорошим советским прошлым. Наверное, можно их дифференцировать, в своей массе они могут отличаться друг от друга. Но если брать групповой портрет в интерьере, то он именно таков, как я сказал. Хозяин хорошего банка или крупной компании может быть симпатичнейшим человеком, но, уверяю вас, ребята в его команде — обязательно с шеями шире плеч.

Вообще-то я к «новым русским» неплохо отношусь. Просто есть сожаление, что уровень культуры общества катастрофически падает. С их помощью. Понятно, что они помогают этому не сознательно, а в силу увлеченности новым делом, очень пер-

убедить, что он не ворует. Иначе почему он живет лучше всех нас? Разве я всю жизнь не работала, не горбатилась?» И Ася сегодня тоже по сути бомж.

Сегодня мне нравится герой — красивый человек, с ужасом и удивлением глядящий на то, что происходит. Любящий, отчаянно делающий глупости, но не от дурного характера или злого умысла, а от растерянности. Растерянность — черта времени. Я смотрю сейчас на моих любимых актеров-«звезд» — они в растерянности: чем заниматься? А писатели? Все завалено книгами ужасов, эротики, порнографии. Но куда делась настоящая литература, поэзия, кто ее будет сейчас издавать и покупать? Хорошо, Радзинский вырвался, издался и там, и здесь. И то я смотрю: его книгу не очень-то хватают.

— Дорого.

— Да, дорого. И не нужно. Телевизор все про царя рассказывал, зачем еще Радзинского читать? А как сейчас живут музыканты? Не те, конечно, кто рвет струны ниже пояса. А на Шнитке, на которого ломались прежде, — уверяю вас, не пойдут. А кинематограф? Для кого они снимают фильмы? Для папы, мамы, друга, жены и Дома кино. Ведь зрителя-то не имеют, отделены от него. Если я раньше писал сценарий — допустим, один из моих самых кассовых фильмов был «Прости», — то я получал мешки писем — от Владимира Стока до Риги. Кто-то благодарил, кто-то ругал, но люди смотрели картину. И я испытывал от этого колоссальное удовольствие. Сегодня же выпускается более ста картин в год. Но на экране-то они не появляются.

— Но вы все же продолжаете писать сценарии.

— Я почти перестал писать то, что хочу. Пишу, что мне заказывают.

— И даже в стол не пишете?

— Не успеваю. Но вот сейчас для Жени Лунгина написал сценарий — свой, оригинальный, так, как я хотел. С Пашей Лунгиным написал детектив. С Кончаловским пишем «Дом дураков». Кстати, это был тот несчастный случай, когда идея нам пришла практически одновременно. Я прочитал эту историю в газете. Как раз мы с Андреем работали над сценарием. И я думаю: сейчас приду к нему и расскажу. Прихожу, а Кончаловский говорит: «Сейчас тебе такой сюжет покажу по ТВ, ахнешь». Оказывается, тот же сюжет был и по телевизору. Тогда я говорю: «Теперь смотри, что принес я».

— Что это за история?

— О пансионате душевнобольных, который оказался в зоне межнационального конфликта. В нем живут и мусульмане, и православные. И когда местность захватывают мусульмане, обитатели дома прячут православных, и наоборот. Сумасшед-

легче — в силу природной эмоциональности Лунгин не придирчив. С Кончаловским — тяжелее. Эта работа выматывает, начинает в какой-то момент раздражать, и говоришь себе: а чего ты хочешь? Уйди. Но тогда ты больше потеряешь, чем приобретешь. Грех жаловаться, когда человек такого класса с тобой работает. Это благо.

— Про Кончаловского часто говорят, что он — очень американский режиссер. Ваши наблюдения это подтверждают?

— Он в этом смысле интересное явление. Кончаловский взял большинство профессиональных качеств отсюда. Научился работать жестко по схеме, по-американски. Но эмоциональность все-таки есть в нем. И он стал уставать от схем.

— Вами написано очень много сценариев. Какие герои для вас наиболее любимые?

— Мечущиеся, слабые, рефлексирующие. И вообще я считаю, что вся русская литература состоит из таких слабых, ищущих свое место в жизни людей. Вся наша великая литература строилась на героях, задумывающихся о смысле бытия.

Когда пишешь личность ищущую, рефлексирующую, мечущуюся, ты, хочешь не хочешь, себя накладываешь на нее. И начинаешь метаться вместе с ней. Страдаешь вместе со своим героем, можешь плакать, радоваться, что он хорошо поступил, — это колоссальное ощущение. Такое невозможно, когда пишешь сценарий-схему, где-пиф-паф и хеппи-энд по западному образцу. В наших сценариях тоже, конечно, есть схема, но она — эмоциональная. В отличие от американской, мозговой. Возьмите Володина — кто из кинодраматургов американских, скажем, может вышивать такие образы, такие тончайшие узоры, как Володин? Никто. А «Осенний марафон» вспомните — из чего это соткано?

— Вы заговорили об американском кино. Его типичный герой — сильный, добрый, правильный человек. Мы же, с вашей точки зрения, нуждаемся в аутсайдере. Почему? Ведь считается, что мы очень похожи с американцами.

— Я эту ерунду про похожесть слышал много раз. И это — неправда. Это мы, россияне, когда нас не пускали на Запад, приезжая отсюда, создавали себе легенду, что они на нас похожи, а мы — на них. Потому что нам очень хотелось туда, где все такие свободные, богатые, с улыбками, сильные. А на самом деле более далекие нации, чем американцы и мы, нет. У них прагматизм, жесткое подчинение закону — попробуйте возразить полицейскому! У нас: «Да пошел ты, мент!» У них рассчитано все, никогда он не заплатит за вас в кабаке, если ему не оплатит фирма. У нас же — платят, и в голову не придет куда-то предъявлять счет.

ешь, а как ты выглядишь, как тебя воспринимают.

У нас же герой несчастный, ищущий, мечущийся, религиозный. У них и к религии иное отношение. Вот как там ходят в церковь? Приехали на машине, красиво одетые, сели в церкви, поехали, священник прочитал проповедь, все катаются от хохота. Потом на лужайке расставили столики, выпили, покушали хорошо, поиграли в теннис или бадминтон и разошлись. У нас же человек идет в церковь совсем иначе. Какой при этом может быть смех, юмор?

— Но, может быть, сегодня, при всех этих упаднических настроениях, и нужен такой вот крепкий, уверенный в себе герой?

— Хам?

— Ну, четко слепленный образ сильного, успешного, не сомневающегося человека.

— Если вы к акции попытаетесь приживить банан, акция погибнет, и банан засохнет. Если вы на растерзанную душу российскую попытаетесь привести такого супермена, который со всеми справляется, его попросту сочтут дураком, самовлюбленным идиотом. Не приживется он никогда, потому что менталитет нации другой.

Такой герой — неправда, у нас таких не бывает. У нас и бандитизм другой. Ведь чем он страшен для Запада — беспределом, необязностью закона. Их герой в любой ситуации все же знает меру допустимого. У нас меры нету. И законы не работали никогда и, к сожалению, не будут работать.

— Ну, а что-то полезное американский кинематограф дает нам в профессиональном смысле? Те же драки мы когда-нибудь у них научимся делать?

— Профессионально дает многое. А что касается драки... Для нас драка в жизни — дело привычное, и считается, что хорошо бы при ней морду расквашить так, чтобы противник кровью залился. Для них драка — совсем иное. Не бывает почти мордобоев среди белых. Оттого в американском кино к драке относятся как к хореографии. Посмотрите, как они дерутся: хоть раз так упасть, и уже не встанешь. А он поднимается — и даже одежда разорвана красиво. У них драка рациональная, у нас же — эмоциональная. Но, конечно, мы стараемся брать от них профессию. Потому что они — блистательные профессионалы, особенно в комбинированных, постановочных вещах.

А в сценарном плане я бы остался все-таки сторонником нашего, эмоционального подхода. В американском кино непременно случится кризис, если они не вберут в себя нас, французов, итальянцев. Эта заранее проработанная схема успеха картины и персонажа уперлась в точку.

